

МНОГООБРАЗИЕ СТРУКТУР ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ*

Ю.С. Витко, А.Ю. Калугин, С.А. Щебетенко
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Определение структуры личности остается среди самых дискуссионных проблем в теории черт. Одной из самых известных моделей черт является структура «Большой Пятерки», получившая широкое распространение и продемонстрировавшая высокую воспроизводимость в различных культурах. Тем не менее, накапливаются и противоречия в данных, получаемых из разных стран и культур. В связи с этим стали разрабатываться модели, выделяющие разное количество факторов. Среди них можно отметить шестифакторные и семифакторные решения, а также претендующие на межкультурную универсальность «панкультурная тройка», двухфакторная и однофакторная модели. В статье приводится обзор классических и современных вариантов структуры личности, а также обсуждаются разные подходы к изучению черт.

Ключевые слова: структура личности, черты личности, Большая Пятерка.

Со становлением личности в качестве предмета психологии остро встал вопрос об определении ее структуры. Исследователь в области теории черт Г. Оллпорт полагал, что черта определяет саму сущность личности через приспособление индивидов к тем или иным стимулам, при котором именно черта обладает динамической, мотивирующей функцией в структуре поведения [1]. В своем определении структуры личности А. Басс утверждает, что «...если и должно существовать некоторое специальное образование, называемое личностью, то ее уникальной и, следовательно, определяющей характеристикой являются черты» [2, с. 1378].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 21-18-00127.

Согласно подходу Г. Оллпорта, черты можно разделить на кардинальные (единственная черта, характеризующая человека в наибольшей степени) центральные (обобщающие широкий набор различных привычек) и вторичные (описывающие конкретного человека в наименьшей степени) [3]. Каждый индивид может демонстрировать различную степень интеграции черты, что выражается в степени согласованности поведения в схожих ситуациях. Таким образом, структура каждой конкретной личности может широко варьировать не только в зависимости от наличия тех или иных черт, но и исходя из того, какое положение каждая черта занимает в этой конфигурации – доминирующее или второстепенное. Можно говорить о том, что подход Г. Оллпорта предполагал наличие индивидуальных черт, которые могут встречаться у одного индивида, и быть неприменимыми для другого. На более позднем этапе Г. Оллпорт выделял уникальный и универсальный аспекты черты, где первый относится к месту черты в структуре личности конкретного индивида, а второй – к возможности выделять данную черту и изучать ее в популяционных масштабах [4].

Согласно допущению психолексического подхода, значимые проявления личности имплицитно заложены и отражаются в языковых структурах. Так, чем выше потенциал обнаружения той или иной черты в популяции, тем больше вероятность того, что эта черта получит свою маркировку в языке [5]. Соответственно, поиск структуры личности в рамках психолексического подхода представляет собой спецификацию языковых доменов, которые потенциально соответствуют всем существующим чертам. Отдельной задачей для проведения такого типа исследований является формирование базы лексического материала, которая максимально охватывала бы всевозможные языковые единицы. В первом масштабном психолексическом исследовании, проведенном Г. Оллпортом и Х. Одбертом [5], в качестве такой базы выступил Международный Словарь Вебстера. В качестве лексической базы в подобных исследованиях могут быть использованы любые другие носители вербального дискурса – книги, аудиоматериалы, письма и т.д. [6]. В результате проведенной Г. Оллпортом и Х. Одбертом каталогизации было ото-

брано 18 000 терминов, описывающих черты личности, из которых 4 500 терминов описывали «стабильные» признаки.

В последующих исследованиях Р. Кеттелла [7] список устойчивых черт, выделенный Г. Оллпортом и Х. Одбертом, был дополнен некоторыми терминами из психологической и психопатологической литературы, а также верифицирован эмпирическими данными. Полученные языковые описания черт были организованы в 171 биполярную шкалу, которые с помощью корреляционного анализа были объединены в 35 крупных единиц – личностных переменных. Сам Р. Кеттелл путем факторизации выделил 16 обобщенных факторов, однако в последующих исследованиях только 5 факторов демонстрировали воспроизводимость в качестве независимых переменных [8, 9].

Отличным от психолексического подхода является исследование структуры личности, выполненное Г. Айзенком [10] и основанное на поведенческих оценках людей как альтернативе опросных методов. В качестве источника данных Г. Айзенк использовал поведенческие оценки психиатрических приемов 700 солдат, поступивших в больницу с выраженной невротической симптоматикой. В результате проведенной работы им были обнаружены черты Психотизма, Экстраверсии и Нейротизма, которые в дальнейшем именовались как PEN-model. В дальнейшем, в отличие от 16-факторной структуры Кеттелла, модель Айзенка продемонстрировала хорошую воспроизводимость при повторных исследованиях [11].

В то же время, наибольшее развитие получила именно пятифакторная структура черт личности, которая впоследствии была подтверждена на данных нового психолексического исследования У. Нормана [12], использовавшего в качестве языкового материала обновленную версию Международного Словаря Вебстера с уточнением ряда языковых доменов, предложенных Г. Оллпортом и Х. Одбертом. Результирующий список признаков был использован Л. Голдбергом [13], который применил к нему критерии исключения, кластеризацию, факторизацию и новый тип вращения осей, вследствие чего была снова получена пятифакторная модель, названная исследователем «Большой Пятеркой».

Факторы «Большой Пятерки» включают в себя Экстраверсию, Доброжелательность, Добросовестность, Нейротизм и Открытость опыту. Пятифакторное решение получило широкое распространение во многих странах благодаря высокой воспроизводимости найденной структуры в других культурах [14–16], а также в связи с поддержкой модели со стороны некоторых близнецовых исследований [17] и относительной стабильности результатов с течением жизни [18]. Один из инструментов измерения пяти черт – вопросник NEO-PI-R, разработанный П. Костой и Р. Мак-Креем [19]. Он продемонстрировал пригодность пятифакторной структуры на шести языках, что привело авторов к выводу о культурной универсальности «Большой Пятерки». В то же время, лексические исследования, проведенные на греческом [20], китайском [21] языках, а также в некоторых латиноамериканских культурах [22] выявили, что пятифакторная структура не получает, вопреки ожиданиям, полной воспроизводимости.

Более того, даже при численном воспроизведении пяти факторов далеко не всегда наблюдается содержательное соответствие Большой Пятерке. В частности, в итальянском [23] и венгерском [24] исследованиях четыре фактора (Экстраверсия, Доброжелательность, Добросовестность и Эмоциональная Стабильность) соответствовали «Большой Пятерке», однако пятый фактор был связан исключительно с качествами, ассоциирующимися с честностью и отсутствием тщеславных намерений. При этом фактор, связанный с воображением, творчеством и интеллектом, выделялся в том случае, если использовалось шестифакторное решение. Кроме того, фактор, связанный с честностью, правдолюбием и искренностью, был также выявлен в немецком [25], голландском [26] и корейском [27] психолексических исследованиях, что скорее говорило о шестифакторной структуре личности. Систематический обзор, проведенный М. Эштоном и коллегами [28], показал, что идентичные шестифакторные решения были найдены в исследованиях, основанных на экспертных оценках знакомых с помощью личностно-описательных прилагательных, на семи различных языках.

В результате дальнейших исследований М. Эштона и К. Ли [29] была получена шестифакторная структура модели

НEXACO, содержание факторов которой несколько отличалось от факторов, выделенных в «Большой Пятерке». Так, фактор Эмоциональности можно сравнить с менее оценочно нагруженным вариантом фактора Эмоциональной Стабильности, из которого вынесены признаки, связанные с гневом и раздражительностью, но который, в то же время, включает в себя признак сентиментальности. Гнев, в свою очередь, отнесен к отрицательному полюсу фактора Доброжелательности. Шестой фактор, ассоциирующийся с правдолюбием и искренностью, был назван авторами Честность–Скромность.

Другое количество факторов было получено А. Теллегеном и Н. Уоллером [30], критиковавших первоначальный подход, в результате которого сформировалась «Большая Пятерка», с методологической точки зрения. Согласно авторам, лексический материал, с которым работали создатели пятифакторной модели, исключал оценочные понятия, представленные в личностно-описательных прилагательных, в то время как описание себя или другого человека в естественных условиях предполагает оперирование эмоционально-нагруженными конструктами. Посредством современных, более репрезентативных с точки зрения естественного языка, словарей исследователями были включены дополнительные дескрипторы. В результате авторы получили так называемую «Большую Семерку». Пять факторов ассоциировались с соответствующими чертами пятифакторной модели, а два новых независимых фактора назывались Положительной Валентностью и Отрицательной Валентностью. Эти два новых фактора обнаружили связь с различными психопатологиями. Однако позднее было предложено рассматривать Положительную Валентность как специфический позитивный аспект Эмоциональной Стабильности, а Отрицательную Валентность – как аспект негативного полюса Доброжелательности [31, 32].

Некоторые исследования стремятся охватить наиболее универсальные, крупные черты, присущие всем культурам. К примеру, Б. Де Раад и коллеги [33] провели сравнительное исследование 14 различных таксономий, в результате чего были получены три кросс-культурно универсальных черты – Экстраверсия, Доброжелательность и Добросовестность. Они составили так называемую «Панкультурную тройку».

Другие исследователи сосредоточились на поиске универсальных черт более высокого порядка в иерархии, которые объединяют в себе черты пятифакторной модели в качестве подструктур. Среди таких исследований можно выделить двухфакторную модель Д. Дигмана [34]. Она подразумевает объединение в фактор «Альфа» Доброжелательности, Добросовестности и Эмоциональной Стабильности, а в фактор «Бета» – Экстраверсии и Интеллекта. Содержательная интерпретация этих двух факторов отличается у разных авторов. С одной стороны, двухфакторная модель ассоциирована с метакоцепцией [35], согласно которой «Альфа»-черты связаны с измерением принадлежности – принадлежности к определенной социальной группе и поддержкой контакта с другими людьми, а «Бета»-черты относятся к измерению динамичности, которое выражается в решительности, предприимчивости. Однако более распространенной интерпретацией Альфы и Беты является вариант К. ДеЯнга [36]. Он выделяет фактор, связанный с «Альфа»-чертами, как метачерту стабильности, в противовес «Бете» как динамичности.

Обнаружение значительных корреляций между метафакторами Стабильности и Пластичности привело исследователей к предположению о единой, универсальной метачерте. В определенном смысле исследования универсального фактора интегрируют предыдущие модели структуры личности. В частности, было обнаружено, что универсальный фактор демонстрирует отрицательные связи с Нейротизмом и Психотизмом, но с положительными корреляциями с высоким уровнем Экстраверсии по Г. Айзенку, а также с аналогичными факторами Р. Кеттелла. Исследователи также выявили, что универсальный фактор связан с удовлетворенностью жизнью и субъективным благополучием, и может пониматься как интегративная характеристика полноценно функционирующей самоактуализирующейся личности [37].

Помимо психолексических исследований существует немало альтернативных путей проверки гипотез о структуре личности. К примеру, нейробиология черт занимается подтверждением найденных факторных решений с помощью нейробиологических коррелятов. В частности, было обнаружено, что такие кор-

реляты существуют для Экстраверсии, Доброжелательности, Добросовестности и Нейротизма, но отсутствуют для Открытости Опыту [38]. Данные результаты могут объясняться размытостью самого конструкта Открытости Опыту, вследствие чего его операционализация через активность конкретных мозговых структур может быть значительно затруднена.

Еще одна область исследования структуры личности лежит в сфере поведенческой генетики и касается проведения близнецовых исследований для верификации моделей личности на уровне как фенотипа, так и генотипа. Одно из таких исследований продемонстрировало воспроизводимость двухфакторной модели Д. Дигмана [34], однако с поправкой на то, что «Альфа»-фактор ассоциируется с Эмоциональной Стабильностью и Добросовестностью, в то время как роль Доброжелательности остается неясной [39].

Таким образом, вопрос о структуре личности и количестве черт представляет собой дискуссионное поле. Во-первых, это обусловлено множеством культур, в рамках языкового семейства которых нахождение полностью идентичных личностно-описательных доменов затруднительно. Во-вторых, получение различающихся факторных моделей может быть результатом разных подходов к отбору лексического материала. В-третьих, разнообразие подходов к исследованию черт личности (психолексический, нейробиологический, психогенетический) дает не всегда согласующиеся результаты. Вместе с этим ряд современных моделей взаимодополняют друг друга и могут выступать в качестве интегративных решений для определения структуры личности.

Библиографии чешский список

1. *Allport G.W.* What is a trait of personality? // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1931. Vol. 25, no. 4. P. 368–372. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0075406>
2. *Buss A.H.* Personality as traits // *American Psychologist*. 1989. Vol. 44, iss. 11. P. 1378–1388. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.44.11.1378>
3. *Олпорт Г.* Личность в психологии. СПб.: Ювента, 1998. 345 с.
4. *Allport G.W.* Traits revisited // *American Psychologist*. 1966. Vol. 21, iss. 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0023295>

5. *Allport G.W., Odbert H.S.* Trait-names: A psycho-lexical study // *Psychological Monographs*. 1936. Vol. 47, no. 21. P. 1–171. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0093360>
6. *De Raad B.D., Perugini M., Hrebicková M., Szarota P.* Lingua franca of personality: Taxonomies and structures based on the psycholexical approach // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29, iss. 1. P. 212–232. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022198291011>
7. *Cattell R.B.* The principal trait clusters for describing personality // *Psychological Bulletin*. 1945. Vol. 42, iss. 3. P. 129–161. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0060679>
8. *Fiske D.W.* Consistency of the factorial structures of personality ratings from different sources // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1949. Vol. 44, iss. 3. P. 329–344. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0057198>
9. *Tupes E.C., Christal R.E.* Recurrent personality factors based on trait ratings // *Journal of Personality*. 1992. Vol. 60, iss. 2. P. 225–251. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00973.x>
10. *Eysenck H.J.* Dimensions of personality. London: Routledge, 1997. 333 p.
11. *Costa P.T., McCrae R.R.* Primary traits of Eysenck's PEN system: Three-and five-factor solutions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69, iss. 2. P. 308–317. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.2.308>
12. *Norman W.T.* Toward an adequate taxonomy of personality attributes: Replicated factor structure in peer nomination personality ratings // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Vol. 66, iss. 6. P. 574–583. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0040291>
13. *Goldberg L.R.* An alternative «description of personality»: the Big-Five factor structure // *Journal of Personality*. 1990. Vol. 59, iss. 6. P. 1216–1229. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>
14. *Hofstee W.K., Kierns H.A., De Raad B., Goldberg L.R., Ostendorf F.* A Comparison of Big-Five structures of personality traits in Dutch, English, and German // *European Journal of Personality*. 1997. Vol. 11, no. 1. P. 15–31. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199703\)11:1<15::aid-per273>3.0.co;2-8](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199703)11:1<15::aid-per273>3.0.co;2-8)
15. *Schmitt D.P., Allik J., McCrae R.R., Benet-Martínez V.* The geographic distribution of Big Five personality traits: Patterns and profiles of human self-description across 56 nations // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2007. Vol. 38, iss. 2. P. 173–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022106297299>

16. *Щебетенко С.А., Вайнштейн С.В.* Большая Пятерка черт личности: эксплицитно-имплицитный подход // Психология и психотехника. 2014. № 1. С. 69–82.
17. *Yamagata S., Suzuki A., Ando J., Ono Y., Kijima N., Yoshimura K., Ostendorf F., Angleitner A., Riemann R., Spinath F.M., Livesley W.J.* Is the genetic structure of human personality universal? A cross-cultural twin study from North America, Europe, and Asia // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90, iss. 6. P. 987–998. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.6.987>
18. *Roberts B.W., DelVecchio W.F.* The rank-order consistency of personality traits from childhood to old age: A quantitative review of longitudinal studies // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126, iss. 1. P. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.126.1.3>
19. *McCrae R.R., Costa P.T.* Personality trait structure as a human universal // *American Psychologist*. 1997. Vol. 52, iss. 5. P. 509–516. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.52.5.509>
20. *Saucier G., Georgiades S., Tsaousis I., Goldberg L.R.* The factor structure of Greek personality adjectives // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88, iss. 5. P. 856–875. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.5.856>
21. *Zhou X., Saucier G., Gao D., Liu J.* The factor structure of Chinese personality terms // *Journal of Personality*. 2009. Vol. 77, iss. 2. P. 363–400. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2008.00551.x>
22. *Benet-Martínez V., John O.P.* Los Cinco Grandes across cultures and ethnic groups: Multitrait-multimethod analyses of the Big Five in Spanish and English // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75, iss. 3. P. 729–750. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.3.729>
23. *Di Blas L., Forzi M.* An alternative taxonomic study of personality-descriptive adjectives in the Italian language // *European Journal of Personality*. 1998. Vol. 12, no. 2. P. 75–101. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199803/04\)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199803/04)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h)
24. *De Raad B., Szirmak Z.* The search for the «Big Five» in a non-Indo-European language: The Hungarian trait structure and its relationship to the EPQ and the PTS // *European Review of Applied Psychology*. 1994. Vol. 44, iss. 1. P. 17–24.
25. *Ostendorf F., Angleitner A.* A German replication study of the Five-Factor Model based on a comprehensive taxonomy of six-factor structure 365 personality-descriptive adjectives // *Sixth Meeting of the International Society for the Study of Individual Differences*, Baltimore, MD, 1993.

26. *De Raad B.* The replicability of the Big Five personality dimensions in three word-classes of the Dutch language // *European Journal of Personality*. 1992. Vol. 6, no. 1. P. 15–29. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410060103>
27. *Hahn D.W., Lee K., Ashton M.C.* A factor analysis of the most frequently used Korean personality trait adjectives // *European Journal of Personality*. 1999. Vol. 13, no. 4. P. 261–282. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199907/08\)13:4<261::aid-per340>3.0.co;2-b](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199907/08)13:4<261::aid-per340>3.0.co;2-b)
28. *Ashton M.C., Lee K., Perugini M., Szarota P., De Vries R.E., Di Blas L., De Raad B.* A six-factor structure of personality-descriptive adjectives: solutions from psycholexical studies in seven languages // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 86, iss. 2. P. 356–366. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.86.2.356>
29. *Ashton M.C., Lee K.* Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure // *Personality and Social Psychology Review*. 2007. Vol. 11, iss. 2. P. 150–166. DOI: <https://doi.org/10.1177/1088868306294907>
30. *Tellegen A., Waller N.G.* Exploring personality through test construction: Development of the Multidimensional Personality Questionnaire // *The SAGE Handbook of Personality Theory and Assessment*. Vol. 2: Personality Measurement and Testing / ed. by G.J. Boyle, G. Matthews, D.H. Saklofske. London: SAGE, 2008. P. 261–292. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781849200479.n13>
31. *Durrett C., Trull T.J.* An evaluation of evaluative personality terms: a comparison of the big seven and five-factor model in predicting psychopathology // *Psychological Assessment*. 2005. Vol. 17, iss. 3. P. 359–368. DOI: <https://doi.org/10.1037/1040-3590.17.3.359>
32. *Simms L.J.* The Big Seven model of personality and its relevance to personality pathology // *Journal of Personality*. 2007. Vol. 75, iss. 1. P. 65–94. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00433.x>
33. *De Raad B., Barelds D.P., Levert E., Ostendorf F. et al.* Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98, iss. 1. P. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017184>
34. *Digman J.M.* Higher-order factors of the Big Five // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73, iss. 6. P. 1246–1256. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.73.6.1246>

35. *De Raad B., Barelds D.P., Timmerman M.E., De Roover K., Mlačić B., Church A.T.* Towards a pan-cultural personality structure: Input from 11 psycholexical studies // *European Journal of Personality*. 2014. Vol. 28, no. 5. P. 497–510. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1953>
36. *DeYoung C.G.* Higher-order factors of the Big Five in a multi-informant sample // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91, iss. 6. P. 1138–1151. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.6.1138>
37. *Musek J.* A general factor of personality: Evidence for the Big One in the five-factor model // *Journal of Research in Personality*. 2007. Vol. 41, iss. 6. P. 1213–1233. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2007.02.003>
38. *DeYoung C.G., Hirsh J.B., Shane M.S., Papademetris X., Rajeevan N., Gray J.R.* Testing predictions from personality neuroscience: Brain structure and the big five // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, iss. 6. P. 820–828. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797610370159>
39. *Jang K.L., Livesley W.J., Ando J., Yamagata S., Suzuki A., Angleitner A., Ostendorf F., Riemann R., Spinath F.* Behavioral genetics of the higher-order factors of the Big Five // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 41, iss. 2. P. 261–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.11.033>

THE VARIETY OF PERSONALITY TRAITS STRUCTURES

Yu.S. Vitko, A.Yu. Kalugin, S.A. Shchebetenko
HSE University

The determination of personality structure remains among the most controversial problems in trait theory. One of the most well-known models is the structure of the «Big Five», which has become widespread and demonstrated high reproducibility in other cultures' material. However, contradictory data obtained from different countries and cultures began to accumulate. In this regard, models to distinguish a different number of factors have been developed. Among them are the six-factor and seven-factor solutions, as well as «pan-cultural three», two-factor, and one-factor models that claim to be universal. The article provides an overview of classical and modern attempts to build a personality structure, as well as discusses different approaches to the study of traits.

Keywords: personality structure, personality traits, Big Five.